

Не принимайте это за реальность или фантазию. Перед вами всего лишь история погружения молодого человека во тьму существования, история его попыток обрести себя, не облеченная в особенно литературную форму и посвященная тем совершеннолетним, которых интересует не только возможность ознакомиться со скабрёзными признаниями, но и желание понять — что, как и главное — почему. История первая ИРА

Среди студентов-первокурсников Евгений не выделялся чем-то особенным. Тот же наивный взгляд на окружающий мир, та же переоценка собственных сил, стремление выглядеть более значительным, легкое презрение к окружающему миру... Он не был особенно оригинален, но все недостатки молодости выглядели в этом возрасте чем-то уместным и естественным. К тому же дополнялись они импозантной внешностью: выше среднего роста, правильный овал лица, темные глаза, каштановые волосы чуть не до плеч и низкий приятный голос. Следовало прибавить еще изрядную долю иронии, которой Евгений постоянно сдабривал свою жизнь и жизнь окружающих. И если его самого это вполне устраивало, то объекты его остроумия (подчас довольно жесткого) быть таковыми не желали. Может быть, поэтому Евгений не завел прочных дружеских связей в институте. А может, была и другая причина — он не стремился быть на виду, довольствуясь прежде всего своей собственной персоной. Нелюдим не был, наоборот — стремился находиться в обществе. Но что-то в студенческой жизни его не вполне устраивало, как и во всем существовании, которое Евгений вел. Он не знал точно, к чему стремился, но вполне осознавал, что большая часть его стремлений ведет за пределы стен, где другие чувствовали себя весьма комфортно. Отсюда и ирония, которая скрывала его несогласие с мнением большинства, его идеализм и неясные мечты. Ибо своего пути Евгений еще не нашел, только посмеивался над другими.

Однажды он опоздал на лекцию по биологии и скромно пристроился на последней скамье рядом с незнакомой девушкой, державшей в руках книгу. Евгений бросил на соседку взгляд, обнаружил, что она выглядит весьма эффектно и — благодаря или вопреки этому — читает «Эммануэль».

— Мне кажется, — произнес он с ехидной интонацией, — что предмет нашей лекции гораздо сексуальнее этого?

Вопреки ожиданиям, девушка не обиделась. Она оторвала взгляд от книги и ответила вполне дружелюбно:

— Ты так думаешь? Я лично выбираю не более сексуальное, а менее скучное.

Через пару минут они разговорились. Незнакомку звали Ириной, и она только во втором семестре восстановилась после академического отпуска. Поэтому они и не могли встречаться раньше. Зато поспешили наверстать упущенное теперь — сразу же после занятий Евгений пригласил девушку выпить кофе. Этот ритуал повторился и на следующий день, и через день...

Ирина действительно понравилась ему. Она отнюдь не была красива — чуть велики губы, маловат нос, может, неприятного оттенка глаза; но все это искупалось уверенностью в себе, наличием неискоренимого аристократизма в словах и привычках. Рыжеватые волосы не всегда были уложены аккуратно, но даже легкий беспорядок шел их обладательнице, как и продуманные отступления от требований моды — то свитер с высоким воротом, то

странноватой формы гребень... Кроме того, Ира была на два года старше, и это придавало ей некоторую дополнительную притягательность.

Опыт общения с противоположным полом у Евгения был не очень велик. Ну, встречался с одной девушкой в школе — провожал домой, даже несколько раз целовал в полутьме подъезда. Потом отношения прервались — школьные годы минули, не оставив следа. Никаких более романтических переживаний он не испытывал. Многие его ровесники, по их словам, испытали куда больше. Однако это не становилось для Евгения источником дискомфорта. Ведь не зная, чего хочешь от жизни, вряд ли осознаешь, чего хочешь, к чему стремишься в любви.

Нет, сексуальные фантазии посещали его не реже других подростков. Об отношениях полов он узнал довольно рано; родители, к счастью, тоже озаботились его образованием и поднесли соответствующую книжицу из серии «Что и как?». Но теория его не очень интересовала, хотя поначалу, при чтении, техническая сторона представлялась весьма занимательной. Конечно, еще до популярных познаний он испытал иные удовольствия — самоудовлетворения.

Впервые Евгений предался рукоблудию весьма прозаически — в ванной, во время мытья он открыл приятность прикосновений к собственному органу и воспользовался этим, поначалу не в полную силу, то сжимая, то отпуская член. Немного спустя он догадался, как достичь большего эффекта, сдвигая крайнюю плоть то вверх, то вниз. А потом подросла и книжка...

Впрочем, было и многое другое, что почти не проявлялось внешне. Евгений, как мальчик впечатлительный, вполне познал прелесть сексуальных фантазий и — как следствие — «мокрых снов», в которых эти фантазии воплощались. На деле же об их реализации не задумывался, предполагая, что мечты к жизни не могут иметь никакого отношения, оставаясь его персональной тайной.

Для этих тайн были и некоторые основания. Пролежав некоторое время в детском отделении городской больницы, Евгений испытал некоторые впечатления, которые был бы не прочь повторить. Прежде всего это относилось к блондинке-медсестре, которая явно испытывала к мальчику нечто больше профессионального интереса. Измеряя температуру или просто производя обход палаты, она постоянно обращалась к Евгению с ничего не значащими замечаниями вроде «Ну как наши дела?» или «Голова не болит, молчун?» и тому подобное. Но когда девушка наклонялась к нему, мальчик мог видеть пышную грудь, не скрытую в такие моменты белым халатом. А однажды, осматривая его соседа, медсестра повернулась к Евгению спиной и... раздвинула ноги чуть шире, чем следовало. Глубокий разрез снизу халатика раскрывал все, о чем мальчик не мог и мечтать. Половые губы были достаточно велики, а волоски возле них — сбриты, так что рассмотреть и ягодицы, и сам орган сестры Евгений сумел во всех подробностях. Не того ли она хотела на самом деле? Мальчику сначала было неловко, затем возбуждение преодолело все остальные чувства, и он с наслаждением спустил в туалете, почти позабыв о стеснении и боязни быть застигнутым кем-то чужим за все-таки постыдным занятием.

Второй эпизод в больнице, о котором Евгений умалчивал, имел место незадолго до его выписки. Операцию проводили под наркозом, прошла она успешно, и пациент был отправлен на перевязку. И здесь Евгений не был уверен, сном ли считать все случившееся или явью, объяснить ли это воздействием снотворного или послеоперационным шоком...

Его кушетку доставили в перевязочный кабинет, подкатили к яркой лампе, свет которой бил прямо в глаза, застилая зрение синеватыми пятнами. Однако Евгений почувствовал, что на

швы повыше живота аккуратно накладывают свежий тампон, а затем руки в перчатках снимают с него брюки. Он пробует сопротивляться — ведь доктор производил только один надрез, на месте которого чувствуется легкая щекотка... Но сильная рука прижимает его туловище к кушетке... Мальчик не видит лица, только глаза и марлеву маску. Ниже халат, пуговицы на котором медленно расстегивают. И конечно, член его тут же начинает подниматься независимо от воли хозяина. Пышные груди ему хорошо видны, и сладкая истома охватывает мальчика. Рука в перчатке удерживает его, вторая опускается ниже, все ближе к пенису, и начинает обтирать орган марлей, медленно, еще медленнее... Евгений уже не сопротивляется, он не в силах пошевелиться. А женщина, отведя тампон, обеими руками поглаживает его член. В момент оргазма мальчик теряет сознание.

Больше он не видел ту медсестру и никак не мог проверить свои догадки. Она ли занималась перевязкой, или в самом деле ничего подобного не было, но с тех пор фантазии Евгения носили все более медицинский характер. При просмотре одного индийского фильма, в котором злодей-доктор, прикрутив героиню к креслу, туго забинтовал ей рот, мальчик спустил прямо в зале. Однако и свое воображение подсказывало куда более аппетитные картинки. К примеру, он представлял себя похищенным прямо в больнице несколькими женщинами в белых халатах. Его кровать вкатывают в стенную нишу и оттуда доставляют в потайную комнату. Жертву туго прибинтовывают к решеткам кровати, затыкают марлей рот и осматривают, выбривают волосы на лобке и вокруг ануса, затем осмотр продолжает врач, вводя трубочку в задний проход, затем туго бинтуя член — таким образом, чтобы повязку можно было ослаблять или сжимать в зависимости от поведения пациента. Завершались фантазии всегда оргазмом мальчика. Однако они не всегда были так пассивны, фигурировали в них и связанные девушки в марлевых масках, задыхающиеся от ласк руки в резиновой перчатке, которая немилосердно не позволяет им кончать. Естественно, счастливым обладателем перчатки выступал сам Евгений, изводивший пуще всего блондинок.

Но внешнего воздействия на судьбу нашего героя эти редкие подвиги воображения как будто не имели, как и некоторые другие, еще более эпизодические, эротические впечатления. К моменту встречи с Ирой он был лишен каких-то определенных сексуальных устремлений и уж точно не с ними связывал смысл своей жизни.

Ира как будто мыслила сходным образом. Во всяком случае, их встречи долгое время носили платонический характер. Все ограничивалось общением, походами в кино и почти ежедневным кофейным ритуалом. Девушка, казалось, видела в Евгении кавалера в старинном смысле слова, остроумного собеседника и с присущим ей изяществом уклонялась от попыток дальнейшего сближения. Давая понять, что Евгений ей нравится, Ира в то же время показывала, что испытывает к нему слишком серьезные чувства, не вполне ясные, но уж точно исключают романтическое развитие событий. А сам он ценил в подруге прежде всего эти качества — полная свобода мыслей, ирония, ум и изящество.

О сексе напрямую заговорила она сама:

- Скажи, ты занимался любовью с девушкой? Извини за прямоту, просто любопытно. Ты знаешь, распространяться я не буду, но знать хотела бы.
- Тогда откровенность за откровенность! — Ира кивнула, выражая безоговорочное согласие.
- По-настоящему ни разу, и не считаю это недостатком.
- Я бы тоже на твоём месте не стала. Я лично спала с двумя мужчинами, от одного из которых ни малейшего удовольствия не получила. Второй этот пробел восполнил, но чисто

физиологически. Тем опыт и завершился. Дело все в том, чтобы понять, чего ждешь от любви... Ведь тело свое получит и в порядке самоудовлетворения, то же самое относится и к телу партнера, если ты подумал об альтруизме. Нет, самый акт — далеко не все... Я немало об этом подумала. Некоторые мои подружки вопрос для себя решили. Увы, про себя того же не скажу...

И разговор угас так же внезапно, как завязался. Долгое время Ира к этой теме не возвращалась, не спешил и Евгений. Новый поворот совершился снова в кафе, за чашкой кофе.

— Знаешь ли, — начала Ира, — может, главное удовольствие и состоит во власти над любимым человеком. Каждый отвечает за все действия другого. Вот мы с тобой потому и чужие друг другу люди, несмотря на все сходство характеров, что по существу боимся себя и друг друга. Да и всех остальных, наверное... Все должно происходить постепенно. Преодолеваются барьеры, и тогда любящие — одно. И наступает то счастье, о котором большинство не могут и мечтать.

С этого момента началось сближение с Ирой, которому Евгений не противился, потому что давно о нем думал, ища в этой девушке что-то, чего не было в нем самом. И возраст ее, и умение самостоятельно мыслить, и склонность к первенству — все делало ее привлекательной и одновременно заставляло подчиняться ей.

Поэтому Евгений принял не вполне естественное предложение переночевать несколько раз у подруги, когда ее родители были в отъезде. Ира сразу предупредила, что никакого секса быть не должно; просто ей хотелось с кем-то вроде него общаться, чтобы и самой не скучать, и сохранять, как она выражалась, чужие социальные навыки. Евгений ничего против не имел — попить кофе в по-настоящему уютной обстановке ему доводилось нечасто.

Квартира подруги была обставлена весьма прилично и состояла из трех комнат. В гостиной стоял вместительный диван, где Евгению предстояло провести ночь. Впрочем, до этого они долго слушали музыку и болтали на отвлеченные темы. Ира первой завела разговор о любопытстве:

— Может, интерес ко всему необычному коренится только в этом? Тебе, положим, занятно меня разгадать — что я такое и к чему стремлюсь? А потом, насмотревшись и решив, что все ясно, ты обратишься к поиску новых впечатлений... Или наш с тобой интерес друг к другу подразумевает нечто большее?

Евгений всерьез обиделся:

— По-моему, ты некоторые границы переходишь! Конечно, мы-то вполне бескорыстны, но подразумевать такого рода эксплуатацию — ничуть не по-джентльменски.

— Прости, ты не совсем понял, — Ира налила ему еще кофе. — Я просто взяла пример. Речь не о нас двоих, а вообще о всякой паре. Многими управляет только прелесть новизны; это не секрет. Но есть и другие, более сложные мотивации. Если бы мы с тобой близко узнали друг друга — чего и пытаемся достичь — то поняли бы, чего в самом деле хотим от наших отношений. Понятно изъясняюсь?

Евгению показалось, что скрытый смысл очевиден:

— Ты ведешь к тому, что следует проникнуться мыслями друг друга, прежде чем вступать в серьезные отношения?

— Ну ты загнул... — Ира едва не расхохоталась. — Да что такое эти «серьезные отношения»? Дело не в телесном аспекте, а совсем в другом — подходим ли мы для жизни вдвоем? А это не

только постель, что легко доказать. Во-первых, смущение...

— Это преодолимо, — без обиняков заметил Евгений.

— И вправду? — Ира пристально посмотрела на него. — Скажи, ты мог бы раздеться передо мной?

— Прямо сейчас? — почему-то он совсем не удивился.

Ира спокойно кивнула:

— Я могу... И давай попробуем. Так, по крайней мере, можно доказать, что мы кое-что друг о друге знаем и понимаем. А это уже смелый шаг...

По ее сигналу Евгений расстегнул ремень, спустил брюки, снял рубаху, оставшись в одних трусах. Ира без улыбки наблюдала за ним, потом, опомнившись, занялась своим туалетом. Нижнее белье она сняла просто, без смущения, открыв крепко сбитое, загорелое тело с вполне убедительными формами. Насмешливый взгляд и необычность ситуации скорее препятствовали эрекции, чем способствовали ей. Ира хлопнула в ладоши:

— Вот! Кое-чего мы добились... И не без пользы для обоих. Давай здесь так и ходить... А если холодно будет — домашние халаты найдутся. К сожителю можно приближаться и так. Хотя к сексуальной близости — запомни! — это нас еще не приближает.

Евгений расценил весь спектакль поначалу как чудачество подруги, а потом почувствовал, что нагота помогает ему преодолеть скованность, быть в ее присутствии парадоксальным образом естественным. Немного спустя они уже болтали как ни в чем ни бывало, игнорируя отсутствие одежды. И Евгению эта новая форма сближения очень быстро понравилась. Теперь, приходя к Ире, он должен был раздеваться догола. Сама она тоже, хотя и не всегда, снимала одежду. Иногда замечала:

— Ведь не обязательно пребывать нагими постоянно; это нужно для твоего же освобождения. И будучи открытым мне, как я открыта тебе, ты движешься к настоящей близости. — Или отделялась еще чем-то в этом же роде.

Однажды Евгений задержался в гостях на несколько дней, и тогда Ира предложила ему после занятий приступить к кухонной работе:

— Я же не могу постоянно готовить, а ты вполне можешь делать то же, что и я. Чем не уравнивание полов? Под ее руководством, сопровождаемый тычками и шуточками, облаченный в один цветной фартук, Евгений изготовил довольно сносный обед, который Ира сочла возможным похвалить:

— Для первого раза очень недурно. Теперь можешь этим заниматься и почаще — не только для расширения познаний.

— А для чего же еще?

— Глупый! Ведь, занимая женское, то есть мое, место, ты как бы сливаешься со мной; повторяя мои действия, ты идешь по моему пути. И тогда параллельные мыслительные процессы, может, сделают свое дело.

Вечерние посиделки продолжались; правда, когда приходил кто-нибудь в гости, они одевались как обычно, хотя готовили оба по очереди (впрочем, очередь Евгения наступала все чаще). Некоторые однокурсники, считавшие себя всезнайками, рассуждали об их романе и его возможной продолжительности. Ира на этот слух отреагировала только жизнерадостным смехом; Евгений и вовсе не уделил ему внимания — оставшееся от их отношений время целиком поглощали занятия.

А у его подруги возникла новая идея. Как-то раз, когда Евгений снова явился на ночлег, она

завела разговор о темной и светлой сторонах жизни.

— Ты, Женя, живешь сплошными праздниками. А в женской личине... Хотя и не обязательно в женской. Просто любовь — если уж говорить о любви — не одни объятия и поцелуи. Скорее это сочетание всего, «что и не снилось нашим мудрецам». Вот, к примеру, самые обыденные дела могут это продемонстрировать. Скажем, стирка...

Евгений, как выяснилось, дома белье частенько стирал. Ира не слишком удивилась:

— Раз так, мое белье выстирать будет не так трудно. Согласен?

Он не сразу уразумел, а потом улыбнулся:

— Ведь ты же не в домработницы меня принимаешь?

— Речь идет о роли, если хочешь — о возможности взаимозамены. Если мы становимся одним целым, то мы абсолютно, совершенно на все готовы. Готовы и заменить друг друга — хотим мы того или нет...

В итоге Евгений, в уже знакомом ему фартуке, оказался в ванной. И стирать ему пришлось не простыни, а трусики и комбинации подружки. На его смущенный взгляд Ира никак не отреагировала:

— Я могла бы стирать твоё собственное белье, но лучше, если ты сделаешь все сам. Для нас не должно быть тайн, не должно быть и грязи. Даже такая работа превращается в проявление интереса, в конечном счете — любви.

К подобному выводу пришел и сам Евгений. Возня с интимными деталями туалета оказалась источником необычного возбуждения — скорее внутреннего, чем чисто сексуального.

Стесняться и стыдиться действительно было нечего. Естественные женские выделения, пот, даже грязь — все это было действительно совершенно обычным, а для него и впрямь волнующим. Стирка стала своего рода стимулятором, это заметила и сама Ира, через пару недель сказавшая:

— Ты этим слишком увлекаешься. Постираю я сама, а ты лучше мой полы.

Впрочем, передвижение с тряпкой и шваброй в женском переднике оказалось ничуть не менее занимательным. Ира улыбалась, глядя на его старания, но в целом осталась довольна. Белье она некоторое время стирала сама, а потом стала вновь вызывать для этого Евгения. Если он и не оставался ночевать, то приходил по ее просьбе (или скорее приказу) только для исполнения поручений. И такая самоотдача находила в его душе отклик, ведь воля любимого человека и стремление к подлинному единению с ним были важнее сиюминутных меркантильных соображений. Так уж он был устроен, так понимал простые в сущности речи подруги... И скорее всего был прав.

Ира заходила все дальше в своем стремлении к взаимному сближению без близости.

Однажды она заявила, что смена ролей зашла уже достаточно далеко. Теперь они могут ходить одетыми... используя гардероб партнера. Евгений поначалу воспринял это предложение крайне сдержанно:

— Я все-таки не сексуальное меньшинство...

— Никто и не сомневается! Дело в другом: мы меняемся местами и доказываем свою адекватность. Послушайся меня — и, может быть, чего-нибудь достигнешь...

Евгений и в самом деле ничего не терял от переоблачения. Ведь увидеть его могла только Ира, и так о нем все узнавшая. Потому он с готовностью проследовал в спальню подруги, где она выбрала для него бюстгальтер, трусики и короткий халат. Все вещи подошли, хотя и с трудом — все-таки размеры различались. Ира же оказалась в его рубашке, трусах и джинсах. Ее,

как ни странно, это не испортило, только добавило фигуре какое-то особое очарование.

Первое время передвижение в женской одежде вызывало у Евгения частую эрекцию. Ира на это демонстративно не обращала внимания, хотя и сама подчас неровно дышала в его одежде. Затем привычка возобладала. Ира постановила, что в квартире они должны одеваться только так. Никаких дополнительных средств она не использовала: ни макияжа, ни прически, ни подкладок в лифчик. Достаточно было и одежды. Евгений со временем почувствовал комфорт от смены обликов. Он нисколько не становился Ирой, надевая ее одежду. Он просто чуть больше делался собой, подчиняясь подруге, связывая свою жизнь с ее волей. Нечто подобное чувствовала, по ее словам, и Ира:

— Мы вроде как едины, как одно целое. И узнавая друг друга, делаем себя по-настоящему способными отдавать и отдаваться... Как же это здорово...

Выполняя женскую работу в женской одежде, Евгений склонен был разделять ее чувства. Но мужское начало брало свое: неоднократно, когда Ира, поручив ему какие-то дела, уходила по своим, он занимался самоудовлетворением — с огромным эффектом. Кроме того, у родителей Иры (а может, у нее самой?) была немалая коллекция порнофильмов, многие из которых были действительно сексуальны, в отличие от той немецко-шведской дешевки, по которой Евгений ранее составил себе представление о порно.

Однажды вечером Ира предложила посмотреть один из фильмов вместе; это был, кажется, «Шок» Майкла Нинна, которым она недавно пополнила свою видеотеку. Они уселись на диван в полумраке, фильм начался, и Евгений, который практически не мог сдержаться, попытался обнять подружку.

— Нет, дорогой мой, еще не сейчас! Давай сделаем вот что. Ты ласкай себя, а я — себя. Я хочу видеть, хочу знать, как ты это делаешь. А ты хочешь знать это обо мне... И все получится прекрасно!

Нерешительность Евгения преодолела ее рука, нежно проведшая по надетым на нем трусикам и раздвинувшая его бедра. Действительно, такой способ разрядить ситуацию ему в голову не приходил. А рядом Ира уже поглаживала свой половой орган, тяжело дыша и ухитряясь наблюдать за соседом. Евгений медленно вынул член и начал совершать движения рукой.

— Помедленнее... — попросила Ира. — Давай сделаем это вместе...

Они действительно кончили одновременно под аккомпанемент сладострастных стонов красавицы из фильма. Потом продолжили просмотр, пока не возбуждились вновь, и повторили совместную мастурбацию. Евгений оценил всю прелесть этого спектакля и находился под впечатлением даже тогда, когда Ира принесла фотоаппарат и начала его фотографировать — на память о незабываемом вечере. Потом она отправилась к себе, предложив и ему вздремнуть.

А Евгений уснул не сразу. Сначала его мучили сомнения — правильно ли то, что они делали. Ведь это казалось противоестественным и даже... Но потом понял — все было правильно, поскольку соответствовало поставленным ими целям. Ведь взаимное сближение достигло высшей отметки, дальше могло быть, казалось, только полное единение. Их мысли, чувства, желания совпадали и все шло прекрасно.

Но Ире и это показалось недостаточным. За завтраком она заметила:

— Это лишь начало пути. Мы знаем почти все друг о друге и почти ничего о самих себе. Кроме того, что хотим быть вместе. Но ведь для этого что-то нужно сделать, чего-то

добиться... И путь предстоит долгий... История вторая ОБЩЕЖИТИЕ Через неделю после этого события Ира пригласила Евгения на небольшое торжество в общежитие, к своей подруге.

— Она будет совсем не против. Только приготовься к некоторым странностям. Вика — девушка не вполне обычная, может, даже нервного темперамента. Но тебе будет интересно с ней познакомиться.

— С удовольствием. Подарок принести?

— Бутылку вина, если хочешь, желательнее подороже. Там, кстати, можешь и переночевать — крыло еще не заселили, только пару комнат, поэтому соседей и коменданта можно не опасаться.

— Ну, это проблемой не будет. Отец на месяц уехал, так что дома можно и вовсе не появляться.

— Как мило все складывается! — Ира прямо просияла. — Потом можно будет отправиться еще кое-куда. Ты помнишь о нашем уговоре?

— О каком именно?

— О том, что мы решили насчет нас с тобой, наших оптимальных отношений. Тебе еще многое нужно понять, чтобы освоиться с ролью. Ведь жизнь — не такая уж игра, все как по нотам никогда не выходит. Чтобы наилучшим образом соединить наши судьбы, нужно знать, на что мы способны, знать все, чего можно ждать друг от друга, и принимать это... Ну ладно, пока.

Следующим вечером Евгений прошел в незаметную проходную четырехэтажного здания, где недавно завершился ремонт. Тетка на проходной махнула ему рукой, и он поднялся по грязновато окрашенной лестнице на третий этаж. Там было темно, только в конце коридора блестело светлое пятно.

Это была дверь единственной обитаемой комнаты — достаточно большой, с тремя кроватями, недурно для общаги обставленной: два шкафа, прикроватная тумбочка, красивое зеркало, окно закрыто тяжелой дорогой занавесью.

В комнате были три девушки; две из них — несколько старше Евгения. Самая высокая — темноволосая и худая, с тонкими, как и сказала Ира, истеричными чертами лица, поднялась навстречу:

— Ты — Евгений, как я понимаю? А я — Вика.

— Тогда поздравляю!

Гость вручил ей принесенную бутылку, которую девушка чуть растерянно приняла:

— Ах да... Очень мило! Ира сейчас подойдет, да и мой приятель еще должен явиться. А пока вот мы ждем. Познакомься — Лена и Юля, мои подружки и соседки.

Первая из девушек выделялась красотой юного загорелого тела, вторая — чуть бледнее — впечатляла более чем зрелым сложением.

— Давай на ты! — заявила Лена. И когда Евгений кивнул, продолжила: — Давно с Ирой знакомы?

— Ну, встречаться начали сразу после ее восстановления. Так и общаемся.

— Она очень интересная девушка, и о тебе много рассказывала. Не скрою, угодить ей трудновато. — Вика улыбнулась: — Но от тебя, как бы это сказать, Ира многого ждет. А нам она эти ожидания доверяет. Так что мы тоже в курсе.

Евгений был несколько удивлен такой откровенностью и, чтобы скрыть неловкость,

предложил выпить за знакомство:

— Да, только твой подарок пока постоит, а мы выпьем из наших запасов. — Вика отошла к шкафу, повернулась к столу спиной, наполнила четыре бокала и вернулась с маленьким подносом:

— Закусывать пока не будем, попозже сервируем, ладно? — она протянула Евгению стакан. — За встречу!

Девушки почти тотчас осушили свои стаканы, и Евгений последовал их примеру. Ему тут же налили еще:

— Мы выпили по бокалу без тебя, так что это штрафной. А больше до прихода Иры не будем — она пьяных не любит, — расхохоталась Юля. — Ну же, пей!

После двух бокалов у Евгения зашумело в голове.

— Чем это вы меня угостили? Пожалуй, крепковато.

— Что ты! Обычное сухое, — уверила Вика. — Вот я, когда злоупотребляла...

И она начала рассказывать длинную историю из своего прошлого, когда она не могла достигнуть душевного равновесия и забывала об этом с помощью вина. Лена и Юля не очень-то прислушивались, общались больше друг с другом. Евгений с удивлением заметил, что рука старшей девушки оказалась под юбкой младшей и совершала там энергичные движения, которым Лена отдавалась, полузакрыв глаза. Евгений открыл было рот, но не смог произнести ни звука: язык будто одеревенел, а глаза слипались. Он обнаружил, что не может держать голову прямо; все вокруг скрывал какой-то туман. Евгений пошатнулся и упал ничком на кровать...

... Очнулся он довольно скоро; по крайней мере, в комнате еще горел свет. Жутко болела голова, чувствовалось и еще какое-то неудобство. Постепенно Евгений начал осознавать, где находится, но принять это положение некоторое время не мог.

Абсолютно нагой, он лежал у окна, возле батареи, на матрасе. Рот был заклеен большим куском пластыря, а запястья и лодыжки туго стянуты веревками. Еще две стягивали плечи и колени, так что пошевелиться он практически не мог. Однако движения глаз и головы были замечены хозяйками комнаты, как ни в чем ни бывало потягивавшим вино все на тех же местах. Только блузки Лена и Юля уже сбросили: немало ласк, вероятно, было позади. Вика встала, и держа что-то в руках, подошла к нему:

— Слушай внимательно, поскольку повторять не буду. В знак согласия будешь кивать. Других знаков, думаю, не понадобится. Так вот... Ира передала нам вот это. — Тут она показала фотографии, на которых Евгений был запечатлен голым и в женском белье. — Она дала право использовать их как угодно. И хотела бы, чтобы ты смог пройти своего рода тест. Но для него нужна храбрость, и это как бы дополнительный стимул для тебя, чтобы пройти испытание и чуть приблизиться к ней. Мы хотели бы расклеить фото на улицах и в институте. Но можем вернуть, если некоторое время ты будешь подчиняться нашим приказам — подчеркиваю — всем. Время не ограничено, но оно не будет слишком долгим. А тебе не будет причинено никаких значительных увечий. Обдумай это! — И через пару секунд: — Согласен?

Евгений замер: с одной стороны, скучное существование и огласка, может быть, позор, с другой стороны — Ира, их уговор, стремление к поиску и так далее. Он кивнул.

— Ты клянешься? — Снова кивок. — Очень хорошо. Тогда дальше. Ты забудешь на время свое имя и будешь нашей вещью, единственная цель которой — исполнение нашей воли. Есть будешь из этой миски, справлять нужду в этот горшок — туалет и посуда для хозяек.

Подмываться будешь в тазике — ванная не для тебя!

Она указала на стоявшие рядом предметы, затем достала из-за спины ошейник, закрепила его на шее Евгения и пристегнула поводком к батарее, пояснив:

— Твоя единственная одежда. Перемещаться только на четвереньках. Кстати, никто тебя здесь не увидит и не услышит — здание пусто, даже контролерша с проходной ушла в отпуск. Будешь послушной вещью — не пожалеешь, за все провинности будешь наказан. Понял?

Выражением его глаз Вика была удовлетворена и добавила:

— Без приказа ты не смеешь разговаривать с нами. А сейчас поцелуй ножку госпожи!

Она сорвала с него пластырь и подсунула носик своей туфельки. Евгений нерешительно прикоснулся к нему губами:

— Целуй значит вылизывай! Чтобы блестело! Губами обхвати всю туфельку и лижи языком. Лена, Юля! Попробуйте и вы.

Еще две туфельки заменили первую во рту Евгения. За эти мгновения рой мыслей пронесся в его голове. Это унижение оказалось необходимой частью того, о чем говорила Ира — урока самоотдачи, несение любимому счастья через посредство всего. И какая малая цена оплачивается за это — всего лишь повиновение! Если бы он попробовал освободиться, мог бы попасть лишь в мелкие бытовые неприятности, а так оказался в сложной, подлинно серьезной ситуации, предполагающей осознанный выбор и готовность принять его последствия. От веревок его пока не освободили; Евгений так и остался лежать в темноте, ожидая развития событий. Утром веревки сняла Вика, перечислив его основные поручения:

— Приготовь простой завтрак: яичница, сок, а я за тобой понаблюдаю. Иди к плите!

Евгений попытался встать, но тут же его сбили с ног:

— Забываешься, вещь! Вечером будешь наказан! На четвереньках, помедленнее.

Вика села ему на спину, взяла поводок в руки и заставила отвезти себя на кухню. Там она наблюдала за его действиями у плиты, сделала несколько замечаний, но в целом осталась довольна:

— На обед приготовишь суп попроще, картошку с овощами, чай. К ужину что-нибудь куплю; там и разберемся. Не забудь вымыть полы здесь и в коридоре!

В комнате их ждали Лена и Юля. Они отведали приготовленную Евгением яичницу, нашли ее слегка пересоленной, за что наградили «вещь» несколькими легкими пинками. Остатки яичницы были стряхнуты в миску на полу, и Евгений должен был съесть их без помощи рук. За его неловкими попытками наблюдали все три девушки, давая ироничные советы:

— Хватай крепче! И челюсти сожми — опять упустишь... Это же яичница, а не яйца!

Потом Евгений убрал и вымыл посуду. Когда тарелки были расставлены по местам, ему позволили сходить в туалет. Пришлось усаживаться на горшок на глазах у трех хозяек. Это было крайне стеснительно и вызвало эрекцию, на что Юля заметила:

— Нехорошо, если вещь считает хозяек равными себе. За это следует наказать! Но давай же быстрее!

Естественная надобность возобладала над смущением, и его горшок вскоре наполнился. Евгения тут же заставили вынести его, посмеиваясь над неуклюжими попытками удержаться на коленях и не выпустить горшок из рук. Но затем они занялись своими делами: Вика тут же ушла, Лена и Юля собирались готовиться к занятиям.

У них тоже нашлись задания для Евгения. Юля спустила хлопчатобумажные трусики и,

оглядев их, протянула Евгению:

— В шкафу на нижней полке таз с бельем. Ты должен выстирать его сегодня же, и это тоже. — Она пояснила Лене: — Ночью опять кровь пошла! Цикл, что поделаешь...

В ванной Евгений провел значительную часть дня, потом приготовил обед, вымыл полы. Вечером вернулась Вика, глянула на развешанное белье и крикнула:

— Вещь! — Евгений откликнулся не сразу, и ее голос стал совсем угрожающим. — Как ты выстирал мою блузку! На ней же пятно... Девочки, сегодня вещь нужно примерно наказать.

Они посоветовались и решили устроить это сразу после ужина, когда Евгений прибрался в комнате. Для начала ему заткнули рот трусиками Юли, на которых снова была кровь. Затем Евгения подтащили к кровати, уложив голову и грудь на матрас. Сверху на плечи ему уселась Лена, и он впервые почувствовал неприятный страх — на что способны три повелительницы?! Вика оценивающе осмотрела его ягодицы, раздвинула их, несколько раз шлепнула рукой, затем села рядом на маленькую скамеечку:

— Я начну, так как опыт у меня побольше. Сегодня вещь будет наказана впервые, но у нее так много проступков, что никаких послаблений быть не может. Я не буду перечислять их и разбирать... Вещь, слышишь? — Евгений с трудом кивнул. — Твоя боль будет прежде всего знаком подчинения. Ты наказан не за вину, а по желанию хозяек. Так и должно поступать с вещью. Усвоил?

Вика продемонстрировала Евгению орудие наказания — ремень — и начала методично охаживать его ягодицы. Боль пришла сразу же — всерьез Евгения никогда не пороли. Но ни закричать, ни вырваться он не мог — запястья рук удерживала все та же Лена. Потом Вику сменила Юля; изменился ритм ударов и их сила, хотя несколько раз боль была поистине мучительной. Лена от своего права отказалась, сказав, что для начала вещь достаточно наказана. Кляп изо рта Евгения вынули и заставили поцеловать ремень, на котором были несколько капелек его собственной крови.

Но события вечера на этом не завершились. Вика заявила, что вещь получила удовольствие от внимания хозяек, а сами они только уделили вещи свое время.

— Пришло время расплачиваться, — с этими словами Евгения перевернули на спину (ноги его опирались на пол), и Вика уселась ему на лицо. — Можешь начинать.

Ее поросшая волосами щель оказалась отнюдь не маленькой и всерьез мешала Евгению дышать. Он начал совершать движения языком наугад, поскольку не имел такого опыта ни разу. Девушка руководила его попытками, отдавая приказы:

— Так, чуть выше! Теперь хорошо... Продолжай! — Евгений нащупал то место, где половые губы обнажали клитор и занялся им по-настоящему. Вика постанывала, а затем бурно кончила: ее влага показалась Евгению очень приятной на вкус — ведь следовало вылизать орган хозяйки досуха, что чуть не привело к повторному оргазму.

Затем Лена и Юля тоже воспользовались своими правами. Когда пышные бедра второй из них сжали его голову, Евгений почувствовал, что задыхается. Он сделал попытку высвободиться, но получил сильный удар в лицо: «Продолжай лизать, живее!» Оргазм Юли был спокойным, но продолжительным, а от выделенного ею сока «вещь» чуть не захлебнулась. После этого удовлетворение младшей из подружек было уже трудной работой, но одеревеневшим языком Евгений довел ее до конца, и сам чувствуя небывалое возбуждение.

Эрекция была замечена, но удовлетворить желание хозяйки не позволили. Руки и ноги вещи

были на ночь связаны, ошейник привязан к батарее, и после этого Вика улеглась спать.

Но Лена и Юля еще не получили всего, чего хотели. Они с иступлением принялись ласкать друг друга. Начала действовать Лена, с наслаждением сосавшая пышную грудь старшей подруги, а затем переключившаяся на половую щель. То, что Евгений с напряженным членом наблюдал за их игрищами, явно подстегивало лесбиянок. Обе кончили не один раз, его член уже болел от непрерывной эрекции и в конце концов стал совсем вялым. Евгению очень хотелось в туалет, и он с трудом попытался вскарабкаться на горшок.

Лена и Юля с интересом наблюдали за его попытками, потом старшая проговорила:

— Так и быть, я тебя развяжу. Но сначала мне самой надо в туалет. Пойдем-ка...

Юля привязала Евгения за дверь туалета, вошла туда. Пописав, она расставила ноги:

— Подмой меня, да поживее! Тогда позволю и тебе облегчиться.

Он медленно подполз к расставленным ногам, нерешительно высунул язык и смахнул немногие капли, оставшиеся на волосках в интимном месте. На вкус моча оказалась не очень противной, только очень острой и соленой. Юля осталась довольна и протянула Евгению его горшок. После этого ему наконец позволили улечься.

Наутро он проснулся от сильного удара по плечу.

— Пора за работу! — скомандовала Вика. — А за опоздание с завтраком будешь наказан. И вечером, и сейчас же.

Действительно, порция Евгения в то утро была невелика. Зато ему позволили вылизать пальчики хозяйек, запачканные после еды. И это ощущение, вроде бы унижительное, было также знаком сближения и приносило какое-то примитивное удовольствие. После этого и мытье посуды, и уборка обретали тайный смысл — самоотдача приближалась к пределу и превращалась в нечто высшее. Вика, казалось, поняла это:

— Ведь тебе нравится, происходящее, вещь? Ира так и предполагала. У тебя неплохие задатки. Их нужно только развить...

«Развитием» занялись вечером. Сначала Вика приказала «вещи» мастурбировать, одновременно вылизывая пальчики ее ног. Когда Евгений кончил (а произошло это на удивление быстро), настало время наказаний. Из-за кровати была извлечена скамеечка, поперек которой хозяйки его и уложили, туго прикрутив спину веревкой. В этой позе, со вздернутой вверх задницей, Евгений оставался, пока Вика перечисляла, за что он будет наказан. Кляп девушки решили не использовали, просто включили погромче музыку: их жертве не запрещалось плакать и умолять о прощении, но за каждую попытку вырваться будут назначены дополнительные удары. После этого хозяйки начали, бросив жребий. Лена сразу же предложила разнообразить наказание: она взяла ремень и, охаживая им задницу «вещи», другой рукой, облаченной в резиновую перчатку, методично ласкала пенис Евгения. — Я полагаю, — пояснила она подружкам, — что вещь можно выдрессировать, чтобы член стоял не все время, а возбуждение приходило только во время наказания. Это и интересно, и полезно для всех. Вот так! — и она нанесла ремнем особенно сильный удар.

Вика и Юля примеру подружки не последовали, продолжив экзекуцию традиционными методами. Евгений, сначала просто шокированный собственным унижением, почувствовал настоящую боль от использованной Юлей деревянной линейки, и чуть не опрокинул скамью, за что получил десяток дополнительных ударов. Больше он не вырывался.

Слезы начали течь непроизвольно, потом он умолял пощадить его, и наконец девушки смилостивились и отвязали вещь. Затем Вика отвела его на поводке к матрасу у окна и

уложила, не забыв протереть раны спиртом.

— Тебе нужно завтра быть в форме, а свое заслуженное наказание вещь уже получила. Не вздумай проспать!

Евгений постарался не разочаровывать хозяек, и наказание следующего вечера показалось ему совсем легким. Впрочем, рот ему на сей раз заклеили и к скамейке прикрутили потуже — выражения глаз и слез вещи хозяйкам показалось вполне достаточно. На ночь ему снова пришлось удовлетворить всех троих, но обретенный опыт помог Евгению с честью справиться с этим делом: Лена, очень довольная, даже поднесла ему шоколадную конфету, зажатую между пальцами ноги. Затем вещи позволили подмыться в ее тазике и улечься спать, предварительно связав.

Так прошли еще несколько дней, отмеченные все тем же непрерывным трудом и возбуждающими экзекуциями. Евгений начал к ним привыкать и получать удовольствие, думая о задаче, предложенной Ирой, и упиваясь своей силой в ее исполнении. Впрочем, когда наказание вновь показалось особенно сильным (Лена теперь отказалась от своей дрессировки, ужесточив удары), а раны не были обработаны, он долго лежал во тьме и плакал, пытаясь заснуть. Но заметив это, Вика встала, принесла вещи таблетку аспирина и позволила заняться самоудовлетворением.

На следующее утро Евгения отвязали и, как обычно, накормили. Однако стакан воды поднесен не был, а спрашивать он не мог — не в том находился положении. Жажда начинала мучить юношу, но ни одна из повелительниц об этом как будто не думала. К обеду в комнате оставались Лена и Юля, занятые как будто своими делами и обращавшиеся к Евгению с редкими приказами, после исполнения которых он должен был возвращаться на свой коврик. Однако девушки постепенно начали поглядывать на него с интересом. И к моменту прихода Вики этот интерес достиг пика.

Та принесла несколько бутылок с газированной водой, и хозяйки принялись наперебой утолять жажду, что было как нельзя кстати в жаркий день. Немного спустя Вика заметила:

— Мне кажется, наша вещь тоже не против попить. Увы, для нее я покупать ничего не собиралась. Но можно что-нибудь придумать... — С этими словами она достала из стенового шкафчика небольшой туалетный горшок. — Кто-нибудь хочет помочь?

— Да, пожалуй, я его вырuchu, — спустив трусики, Лена тут же уселась на горшок, и биение тонкой струйки о пластиковые стенки нарушило тишину. — Чересчур много газировки, — пояснила она, глядя прямо на Евгения.

— Пожалуйста, угощайся, — Вика подвинула горшок в его сторону. — Там, правда, весьма жидковато, но как раз то, что нужно. Не бойся, это не вредно, не отравишься...

Все трое захохотали. А Евгений, понимая, что выхода у него нет, не мог решиться глотать мочу. Однако другой жидкости он получить не мог, а о лечебных свойствах урины был осведомлен. Да и страсть его к повиновению еще не иссякла.

— Что же, не станешь? — поинтересовалась Лена через десять минут. — Тогда выливаю, и все дела, если пить не хочешь.

Однако взгляд Евгения был достаточно красноречив.

— Тогда ползи!

На четвереньках он приблизился к горшку и нагнулся над озерцом желтоватой влаги... На вкус моча, капельки которой он слизывал между ног Юли не так давно, была гораздо острее этой. Однако жажду утолить удалось, и он выпил большую часть содержимого горшка.

— Теперь вылижи дочиста, если хочешь получить еще! И благодари... — Евгений выполнил приказ и нежно коснулся языком больших пальцев Лены, которая возвышалась в этот момент подобно дочери викингов, поражая спокойствием и уверенностью в себе. Именно это, как осознал Евгений, и подчинило его девушкам. И еще звериная грация, присущая всем трем, некое ощущение полноты жизни, недоступное до сих пор ему самому.

Следующей горшок заполнила Вика, приказав вылизать ее дырочку досуха. Затем она милостиво придвинула горшок к батарее, сопроводив это действие словами: «Теперь за хорошее поведение будешь получать питье. Другим тебе не стоит баловаться — привыкай! Кстати, теплая немножко вкуснее. Говорю, поскольку знаю...»

Евгений не заставил повторять урок дважды. Вымыв ночью свой горшок, он получил порцию мочи уже от Юли, которая не воздержалась от иронии:

— Жаль, золотой дождь нельзя устроить. Впрочем, моя влага немного густовата для этого. Зато сытно...

Через день, когда Евгений привык к питьевой диете (урину, несмотря на приказание Вики, иногда перемежали более привычными напитками), его ожидало очередное испытание. Наутро он получил стакан с водой, но никакой пищи. Он занимался домашними делами, испытывая постоянный голод, но и в обед повторилось то же самое. Девушки спокойно взирали на его мучения и только добавляли дел; пиком стало приготовление обеда, ни к одной крошке которого «вещи» не было позволено притронуться. На его попытку возразить Вика отреагировала молниеносно: вскочила с дивана, ударом каблука пониже колена сбила с ног и проговорила: «Вечером будешь наказан! Или мы сделаем все, что обещали... Так что лучше утихомирься и поцелуй ножку...» После чего темноволосая мучительница успокоилась и вернулась к своим делам.

Потом девушки уселись обедать, Евгений наблюдал за ними со своего коврика. Но Юля с нехорошей улыбкой спохватилась:

— Вещь тоже должна поесть. Она не очень хорошо ведет себя, но получит пищу, не так ли?

— И верно, — Вика повернулась к Евгению: — Ну-ка, принеси сюда горшок! Подчиниться! Евгений уже догадывался, что последует сейчас, но приказ исполнил. Фантазия девушек его уже заморозила и подчинила себе. Следуя за ними, он каждую минуту открывал какую-то новую грань в мире и самом себе. И поэтому совсем не удивился, когда Вика поинтересовалась:

— Раз нашу жидкость вещь уже пробовала, почему бы не приучить ее и к более вещественной нашей части. Никто не хочет?

— У меня, кажется, сегодня подходящий стул, — заметила Лена. — Но раз ты предложила, начни сама...

Вика тут же уселась на пустой горшок и почти тотчас раздался характерный звук.

— Не бойся, питаться этим постоянно тебе не придется. Но попробовать необходимо. К копрофагии тебя никто не приучает, это нам неинтересно, как и травить тебя. Все абсолютно здоровы. Но проверить твоё повиновение необходимо. Вещь должна любить даже отходы своих хозяек. В этом смысл наших взаимоотношений. Не получишь еды, пока не попробуешь. А обед сегодня действительно вкусен.

И девушки принялись за еду, не переставая обсуждать, когда же их «вещь» последует совету. Юля дошла до того, что даже протянула Евгению ложечку: «Пока мухи не завелись! Глотай же скорее, дурак!»

Он, конечно, некоторое время боролся с отвращением, но вскоре переступил через это, казавшееся таким давним и чужим, чувство. Первый глоток дался с огромным трудом; его чуть не вырвало, но угрожающих взглядов было достаточно, чтобы он продолжал бороться со следующим, еще чуть теплым кусочком. — Достаточно! — заявила Вика. — Надеюсь, было вкусно?

Он кивнул.

— Теперь отправляйся и вымой горшок, а я положу тебе твою порцию. Хотя дерьмо хозяйки — достойный деликатес.

Это блюдо вошло в его рацион достаточно прочно. Та из хозяек, которая чувствовала в том потребность, какала в белый горшочек утром, и «вещь» должна была начать с пробы свой день. Вечером, при желании девушек, к ужину он получал тот же десерт — в количестве символическом, но вполне достаточном, чтобы вызвать омерзение и ощущение того, что он — вещь, находящаяся в чужой власти.

Вечерние наказания повторялись ежедневно. Теперь пороли за малейшую, даже кажущуюся провинность — дерзкий взгляд, изданный не вовремя шум, неудачную стряпню и так далее... У каждой из девушек уже появилось свое любимое орудие — Юля действовала длинной линейкой, оставлявшей широкие красные полосы на спине; Лена обходилась традиционным ремнем, никогда, впрочем, не доводя ягодицы жертвы до синевы; Вика действовала своим хлыстом сильнее обеих подружек. Впрочем, сидеть Евгению приходилось редко, и боли он почти не ощущал, занятый удовлетворением бытовых пожеланий своих хозяек.

Однажды утром ему не позволили стать за плиту. Вика и Лена испекли приятно пахнущий пирог и сделали кое-какие дополнительные приготовления.

— Конечно, вещь, у нас сегодня гость. Но пусть он останется для тебя сюрпризом. — Девушки засмеялись.

Вечером они заклеили рот Евгения пластырем, завязали глаза и туго стянули его руки веревкой за спиной, укоротили поводок до предела, так что приходилось оставаться в полусидячем положении, прислонившись к батарее.

— Не забудь о повинении, — заметила Вика. — Ира правильно говорила, что ты справишься. Оставайся вещью и — все будет прекрасно!

Вечером в коридоре слышались голоса, вошли девушки, сопровождаемые молодым человеком, которого Вика называла Вадиком.

— И где эта ваша вещь? А, вот она! Я думал, что вы меня разыгрываете, а это серьезно.

Повязку с глаз Евгения скоро сорвали, и он увидел широкоплечего блондина, обнимавшего Вику и забавлявшего своими шуточками подружек.

— Ты что, кайф от этого ловишь, да? — ухмыльнулся он, глядя на юношу.

— Во-первых, у вещи кляп во рту, — улыбнулась Вика, — а во-вторых, ей запрещено разговаривать без особых условий, которых сейчас нет. Кроме того, тебе, Вадик, всего не понять. А вещь понимает... Она у нас одаренная.

Принялись за еду, почти не обращая на Евгения внимания. Немного выпили, произнося обычные тосты; тамадой чаще всего выступала Вика. Потом Лена и Юля собрались «прогуляться».

— Часика через три придем... Вы тут пока поразвлекитесь.

Когда дверь за ними захлопнулась, Вика соизволила обратиться к Евгению:

— Сейчас тебе придется показать гостю, что ты умеешь! Ведь это забавно, а, Вадик? —

Блондин нерешительно кивнул. — Впрочем, можешь полюбоваться пока. Вопросов не задавай. В присутствии вещи все равно не отвечу. К ноге! — скомандовала она.

Евгений подполз на коленях к повелительнице, получил пинок ногой за медлительность. Ему было приказано целовать туфельки госпожи, затем разуть ее и покрывать поцелуями ножки. Вика при этом шевелила пальчиками, получая явное удовольствие. Она дала знак перебираться повыше... вот уже и колени...

— Ну хватит! — прикрикнула она. — А то привыкнешь к сладенькому. Тебе пора попить. А гостю как раз стоит сходить в туалет.

— Ты думаешь... — с сомнением глянул на нее Вадик. — Это как-то чересчур.

— Вещь прекрасно освоила это питье; ей и кал кажется очень вкусным, ведь так? — Евгений кивнул. — Вот так. Подползи и помоги гостю облегчиться. Без рук! Зубами...

Руки Вадика потянулись к ширинке, но по знаку подруги он оставил всю работу «вещи». Евгений потянулся губами к брюкам, языком подцепил молнию, сжал ее зубами, расстегнул. Член Вадима топорщился, но эрекция не была предельной: все-таки шампанского выпил гость не мало. Евгений аккуратно, стараясь не зацепить член, спустил с гостя брюки, и перед глазами его закачался половой орган — средних размеров, насколько он понимал. Евгению пришло в голову, что, кроме редких визитов в ненавистную мужскую баню и случайных наблюдений, он впервые видит мужской пенис так близко. И теперь он еще больше приблизится.

— Открой рот! Вадик, ты можешь пописать на вещь и прямо в нее. Вещь потом приберется, — злорадно улыбнулась Вика.

Ее любовник некоторое время не мог настроиться; тем неожиданнее оказалась тонкая струйка, ударившая прямо в рот Евгению. Рот наполнился влагой, в которой ощущался легкий привкус шампанского. Однако вскоре это Вадиму надоело, и он описал волосы и глаза «вещи». Струйка, не утихая, била еще некоторое время, и все тело Евгения получило свою долю мужской мочи.

Завершив ритуал, Вадик не спешил застегивать брюки: «Слизни-ка, чтоб ни капельки не осталось!» Евгений вновь приблизился к члену, провел языком по крайней плоти, подхватив повисшую на ней каплю влаги. От этого оба возбуждились: член Вадима стоял как кол, Евгений тоже ощутил, что его орган не остался неподвижным.

— Смотри-ка, даже вещь хочет! — рассмеялась Вика, хладнокровно наблюдала за этой сценой. — Вадик, давай пойдём в койку! Пусть вещь посмотрит на наши с тобой игры.

Они тут же разоблачились; ладно скроенное, атлетическое тело Вадима прекрасно гармонировало с ширококостной, но изящной фигурой Вики. Блондин долго ласкал грудь подруги — сначала пальцами, потом языком. Затем он спустился пониже, провел членом по бедрам девушки. Она тяжело дышала и явно исходила соком от возбуждения. Протяжный стон, раздавшийся, когда Вадик вошел в нее, только подтвердил это. Но через минуту Вика будто очнулась:

— О... ох, Вадик, пусть вещь лижет нам ноги! Живее! И не забывай, что ног четыре, чтобы каждая получила свое.

Евгений стал на четвереньки возле изножия кровати и вылизывал пальчики Вики, которых уже касался, и Вадика — новое для него ощущение. Ноги любовника были не вполне свежими, но Евгений исполнял приказ; в этом повиновении он видел не меньшее удовольствие, чем в самоудовлетворении. Так он помогал другим людям, отдавая себя

целиком. Кроме того, не забывал он и о словах Иры. Как давно это было!

Вдруг он ощутил сильный толчок прямо в лицо:

— Ты что это? Надо же, к члену тянется, когда мы еще не кончили. Руки за спину!

Евгений выполнил приказ и продолжал ласкать удовлетворявшую друг друга парочку.

Немного спустя Вадик шумно кончил, почти сразу же погрузилась в пучину оргазма и Вика.

Они не позволили Евгению прекратить ласки даже тогда, когда улеглись рядом, отдыхая.

Однако это показалось Вике однообразным:

— Пусть вещь поласкает свой орган; это может показаться забавным, правда? — Вадик согласился.

Евгению было приказано принять позу, оставлявшую открытой все движения рук, и приступить к делу. Он истово схватил истомленный член, опустил крайнюю плоть...

— Медленнее! А то получишь кнута...

Вверх, вниз, вверх-вниз... Пять пальцев на члене; другие пять гладят чувствительные яички.

В общем, оргазм пришел очень скоро. Облегчение Евгения было невероятным, взгляд на член Вадима показал, что гость оценил спектакль. А собственный член юноши вновь рвался вверх... Однако повторить представление ему не позволили: Вика потребовала продолжать ласки ног во время второго совместного акта. Затем любовники еще немного отдохнули и Вадим стал собираться. — Честное слово, пора! До скорой встречи. Твоя вещь очень удобна в использовании. Надеюсь, ты еще будешь ее применять.

— Очень жаль, но вещь у меня временно. Так что ты, может быть, с ней больше не встретишься. Однако помни, что ты обещал не упоминать о ее существовании.

— Нем, совершенно нем! — поцеловав подругу, Вадик ушел.

Вика тут же приказала «вещи» прибратся в комнате. Но сначала Евгений должен был вымыться в ванной хозяйку и вымыться в особом тазике сам. Сам банный ритуал происходил без его участия; он просто должен был наблюдать, изнывая от возбуждения, как Вика намывает свои сокровища, как раздвигаются ее ягодицы, как свободно гуляет в пискле палец и как гладит клитор нежная ручка. Поскольку Евгений еще раз прикоснулся к своему пенису, сразу же после ванны руки его были стянуты за спиной: «Теперь и есть так будешь!» Действительно, ужин был подан в тарелке, из которой он должен был ртом выбирать макароны с мясом, что сильно позабавило пришедших Лену и Юлю. Рассказ Вики их очень заинтересовал, и они шумно пожалели, что не смогут и себе устроить такого же развлечения. Зато устроили другое: помочились Евгению прямо в рот, проследив, чтобы не пролилось ни капли. Затем две девушки улеглись на свое ложе и принялись иступленно ласкать друг друга. Евгений должен был вылизывать им ступни, а в это время Вика изо всех сил охаживала его задницу ремнем.

Наутро ягодицы посинели, и Вика сделала «вещи» прохладный и мягкий компресс.

— Нельзя портить дорогие и функциональные устройства! — объяснила она удивленным подругам. Вика освободила Евгения от большинства хозяйственных работ, но не вынула кляп. Она долго сидела на табуретке рядом с батареей, иногда поглаживая лежавшую на полу «вещь» пальцами ног и всячески выражая свою привязанность — пусть даже к предмету обстановки. Однако вечером наполнила калом белый горшок и, сорвав пластырь, заставила Евгения съесть непривычно много.

— Нельзя забывать, что ты прежде всего вещь, а все, что с тобой происходит, основано на чужой воле! Ты должен — по моему желанию. Других объяснений нет, так что глотай! — И

Евгений, давясь, откусывал и глотал темно-коричневую массу. Лена и Юлия не смеялись над ним сейчас; они понимали, что происходит нечто серьезное, пусть и не задумывались над определением этого.

А Евгений, лежа во тьме ночи и страдая от тошноты, задумывался. Не страх разоблачения, не только и не столько воля Иры удерживала в его в путах, мешала разорвать веревку, оттолкнуть хозяек и уйти прочь. Нет, может быть, где-то рядом действительно его место. И, слепо подчиняясь здесь и сейчас, отдавая себя на чужую волю, он делает первый шаг по дороге из желтого кирпича, которая приведет к чему-то настоящему, к месту, где раскроются все его скрытые потенции. А пока он, сжимая и разжимая мышцы ног, пытался ослабить напряжение полового органа.

Наутро Вика подошла к нему, натянула перчатки и начала обеими руками нежно ласкать член. После третьего оргазма она заставила его слизнуть всю сперму с перчаток, пола и коврика.

— Вещь не должна привыкать к ласке, но и ласка тоже возможна, — сказала темноволосая хозяйка. — Из тебя вышла неплохая вещь, хотя выйдем и кое-что получше. А пока попей.

Она справила малую нужду и пододвинула к нему горшочек.

До вечера Евгений занимался уборкой, стиркой, готовкой, даже почитал Юле вслух ее любимые сонеты Шекспира. А вечером, когда Вика ушла по делам, Лена отстегнула поводок от батареи и сорвала все веревки. Юлия достала из шкафа одежду Евгения и протянула ему:

— Фотографии в кармане пиджака. Сюда больше не приходи; послезавтра корпус заселяют. Нам лучше не видаться впредь. Живей одевайся и уходи!

Он, еще не понимая до конца смысла этого, натянул полузабытую одежду; ошейник оставался на нем.

— Не вздумай снимать, пока Ира не разрешит. На нем ее клеймо, — заметила Юлия. — Это знак пройденной тобой выучки, чтобы не пришлось ее повторять.

Поддерживая Евгения с обеих сторон, девушки довели его до проходной, вытолкнули на улицу и захлопнули дверь. Он прислонился к стене и некоторое время стоял неподвижно, только вдыхая воздух не очень-то нужной свободы... Надо было идти куда-то и что-то делать — ради себя самого, не отдавая и не отдаваясь. Только ошейник был символом пережитого, символом потребности отдаваться, которая могла еще не раз потребоваться... История третья
МАДАМ ПОЛИНА

Евгений вернулся домой, вновь занялся привычными делами, не испытывая от них ни малейшего удовольствия. Он понимал, что открытия еще не завершились, что самого себя он еще не знает и не понимает. И ждал дальнейших указаний от Иры. Девушка позвонила на следующее утро после его освобождения, задала несколько незначущих вопросов, поинтересовалась, здоров ли он. Утвердительный ответ ее явно обрадовал:

— Не спрашиваю, понравилось ли тебе, поскольку нравится или не нравится это не может. Здесь другие критерии. Но ты чувствуешь, ради чего все было сделано? Насколько это связано с нашими беседами?

— Вроде бы понимаю. Хотя я хотел узнать...

— Вопросы задавать рано. Нужно продолжать. Я хочу понять, насколько далеко заходит твоя смелость и способен ли ты на что-то большее. Ты многое обещаешь в будущем, но не все обещания сбываются.

— Насколько глубоко нужно погрузиться, чтобы по-настоящему обрести смысл, чтобы

повиновение не было только игрой? Я понимаю, что доставлять удовольствие другим — это нечто важное, но что именно получаю Я?

— Ты еще не готов... — Ира умолкла. — Кстати, ошейник на тебе?

— Да, конечно, раз это входит...

— По возможности не снимай его. Я позвоню...

После этого Ира на некоторое время исчезла с его горизонта. Потом Евгений встретил ее как бы случайно — в кафе. Разговорились все о том же: о любви и о жизни.

— Мне кажется, что все физическое не так уж важно, — откомментировал свои впечатления Евгений. — Может, как дополнительный стимулятор, не более. Разве порка может заменить психологическую сторону — обе стороны снимают стресс. Вещь отдает себя и несет бремя, но еще большее бремя ответственности несет хозяйка. Но к чему же все это может привести?

— Меня не спрашивай. Послезавтра поздно вечером приходи ко мне. Оденься поприличнее; не забудь об ошейнике.

Евгений вздрогнул. Ожидался какой-то новый поворот в его судьбе; возможно, именно он будет важнейшим. Даже то, что Ира вопреки обыкновению не поцеловала его, прошло почти незамеченным. Кроме того, ведь он еще не вполне ее достоин. Нужно ждать.

В назначенный вечер он вошел в квартиру Иры; она провела Евгения в комнату, где на диване, потягивая вино из бокала, сидела женщина лет тридцати. В полумраке Евгений различил только широкие плечи, пышный бюст и несколько излишнюю полноту, скрытую брючным костюмом.

— Познакомься, это Полина. Для тебя — Мадам Полина. Думаю, он сможет помочь тебе с некоторыми ответами.

Мадам подняла взгляд и всмотрелась прямо в глаза Евгению, привстала (ростом она была чуть ниже его), взяла настольную лампу и некоторое время светила ему прямо в лицо. Голос ее был низким, рокошущим и угрожающим:

— Больше ты не будешь смотреть мне в лицо. Запрещаю. И разговаривать без разрешения тебе тоже не стоит, — добавила она. И обратилась к Ире: — Да гордость в нем есть, и немалая. Ты думаешь, он настолько силен? Сомневаюсь... Впрочем, чтобы сделать тебе приятное, я проверю его. Объясни, пожалуйста, Ира...

Девушка ободрительно улыбнулась Евгению:

— Мы с Полиной знакомы давно, и я многим ей обязана. Ее любезность, проявившаяся во внимании к тебе, очень велика. Помни это. Разденься, чтобы она могла взглянуть на тебя. Евгений не ожидал повторения; когда брюки упали вниз, его эрекция стала очевидной; Мадам Полина подошла ближе, с презрением провела рукой по бедрам и члену, нащупала какую-то точку внизу живота, нажала ее указательным пальцем, и половой орган бессильно повис.

— Ты говорила о своих знакомых; может, вы связались с ними зря. Впрочем... Нет в мире ничего определенного.

Ира закончила свои объяснения:

— Сейчас я передам тебя твоей Мадам; ни о каком неподчинении ей не может идти и речи. Но это напрасные слова. Я уверена в твоей способности к повиновению. Все, что ей угодно, Полина вольна с тобой делать. Но твоя жизнь, как указано на ошейнике, все одно принадлежит мне. Этот дар я приняла.

С этими словами Ира пристегнула к ошейнику поводок и передала его Полине, которая взяла

ремешок как нечто совсем привычное. Она сделала знак Евгению опуститься на колени и поцеловать край ее лакированной туфельки. Затем по жесту Мадам он должен был встать и надеть протянутый ею предмет. Это оказались два ремешка, удерживавшие кожаную ракушку между ног. Жесткая кожа мешала члену свободно двигаться и не допускала эрекции, а прочность суспензория не вызывала никаких сомнений. Евгений испытывал от него определенные неудобства, но ремешки явно подошли под его размер, и некоторое время спустя остались только легкие неприятные ощущения. Затем ему позволили одеться и встать возле двери, пока обе дамы обсуждали отвлеченные вопросы, говорили о каких-то общих знакомых. Потом Мадам Полина встала:

— Значит, уговор остается в силе. Я извещу тебя о результатах; надеюсь на их благоприятный характер. — Ира дала Евгению знак следовать за гостьей. Втроем они спустились к стоявшей во дворе машине — изящной иномарке. Здесь Ира простилась окончательно, потрепала Евгения по щеке и поднялась к себе. Он замер на миг, но Мадам тут же распахнула багажник и вопросительно посмотрела в его сторону:

— Чего ждешь? Твое место там.

Евгений, готовый к худшему, полез внутрь. В багажнике было душно, жарко, но дно выстлано чем-то мягким и воздух поступал через два вентиляционных отверстия. Дорога была спокойной, но пару раз так трянуло на ухабах, что он наверняка заработал пару синяков. Почти сразу же после этого машина остановилась и двигатель заглушили. Мадам отворила крышку багажника и сделала ему знак вылезать.

Автомобиль стоял перед уютным двухэтажным коттеджем в уединенного уголке сада или скорее парка. Большого в темноте Евгений рассмотреть не успел, следуя за Мадам по ступеням внутрь. За бронированной дверью находилась ярко освещенная прихожая, в углу которой на тюфяке возлежала огромная овчарка, коротко твякнувшая при появлении хозяйки.

— Если разозлишь Якова, о моих обещаниях Ирине забудь. Ухаживаю я за ним сама, так что без приказа лучше к нему не подходи. И немедленно разденься!

На Евгении остались только черный суспензорий и ошейник с поводком. Он опустился на четвереньки и стоял спокойно, пока Яков обнюхивал его, признавая своим. Затем Полина натянула поводок, и Евгений последовал за ней через три со вкусом убранных комнаты в спальню. Здесь стояла огромная неоготическая кровать, увенчанная шикарным пологом, и было несколько шкафчиков, бюро и подобных предметов обстановки. Мадам, оказавшись дома, привязала поводок к ручке двери и тут же стала раздеваться. Брючный костюм действительно скрывал сильную, наделенную и мышцами, и жиром фигуру, которую тут же скрыл полупрозрачный свободный халатик. Мадам произнесла сквозь зубы, не глядя на Евгения:

— Ты все еще думаешь, что это игра. И жестоко ошибаешься. Да, жизнь твоя принадлежит Ире, и ты считаешь себя в безопасности, может, даже посмеиваешься надо мной. Все это не ради тебя затеяно, не ради каких-то новых впечатлений. Если ты раб, значит, ты раб. И ты должен принять волю всякой хозяйки, она дает тебе все — и жизнь, и закон, и смысл, и цель. Для этого есть разные средства. Попробуем...

Он потянула Евгения за поводок, и он пополз в узкий коридорчик, оканчивавшийся тупиком. На самом деле эта стена была подъемной, сделанной из металла, облицованного каким-то плотным материалом. За ней находился крохотный чуланчик — куб с гранями метра в

полтора. Единственными предметами там были эмалированный горшок и крюк в стене с приваренной к нему железной цепью. На ней красовался массивный металлический ошейник с замком, который был немедленно пристегнут к шее Евгения.

— Сейчас ты кажешься себе сильным и смелым; посмотрим, что будет немного спустя. Когда я услышу твой плач, я, может быть, приду. И надеюсь, что ты поймешь, в чьей воле находишься и кто диктует законы. Притвориться не удастся, как и уйти. Понял?

Не дожидаясь ответа, Мадам потрепала его по плечу и удалилась. Она опустила за собой фальшивую стену и воцарилась тьма... Цепь была короткой и не позволяла толком улечься, хотя, свернувшись клубком у стены, пленник мог дремать. В карцере была вентиляция — по крайней мере, Евгений нащупывал какие-то отверстия в верхней части металлической коробки и не испытывал духоты. Сюда не доносились никакие звуки, кроме тех, что издавал он сам. И никакого знака, что о нем помнят. Евгений ждал, сколько может продлиться эта пытка. Действительно, ничто не бесконечно, и через какое-то время в нижней части подвижной стены отворилось окошечко, и туда вдвинули поднос с двумя мисками — с пищей и водой. Он был голоден и потому поел, затем исполнил естественную надобность. Очевидно, в пищу что-то подмешали — после нее пришла непонятная сонливость, так и не перешедшая в настоящий сон. Кроме того, обнаружилось и ослабление эрекции, и общий спад возбуждения. Так и тянулось время — во тьме, наедине с собой и своими мыслями о прошлом и настоящем. И конечно, о будущем. Видимо, та же рука вдвинула новый поднос, забрав старый; ею менялись и туалетные горшки. Но больше ничего не происходило.

Понемногу Евгений начал испытывать беспокойство. Промежутки между приемами пищи все длиннее — или это ему только кажется? Почему апатия после еды быстро сменяется возбуждением? Он изводил себя подозрениями и уже не мог спать, стены карцера давили на него. Он то задыхался и лежал, забившись в угол, то пытался выломать железные стены, то вырвать свою цепь из гнезда. Потом воспоминания становились все более путанными. Вот он бьется о стену головой, чувствует на лбу кровь... Вот зовет на помощь, с его уст срываются какие-то нечленораздельные крики. Вот начинает плакать и кусать свои руки. И как спасительный маяк возникает мысль: «Мадам Полина!» Вместо матери он должен звать ее! Но хозяйка не приходит на зов.

Крики становились все более отчаянными, потом перешли в тихое всхлипывание. Он не принимал пищи, отбросив поднос куда-то в угол, превратился в запуганное, хнычущее существо. Все что угодно, лишь бы выйти отсюда. Что угодно, только не тьма карцера! И когда дверь поднялась и он узрел мадам, то бросился к ней как к избавительнице.

— Благодарю! — она указала на свои ноги и сломленный Евгений со слезами облизывал ее ступни, изнывая от страха, что вот сейчас она уйдет и захлопнет дверь.

Но этого не случилось; металлический ошейник был снят, Мадам надела привычный ему кожаный поводок и почти силком дотащила раба до ванной, где он потерял сознание...

Очнулся Евгений в спальне Мадам, на коврик у кровати. Перед ним стояла миска с водой; он ощутил, что руки и ноги мягко стянуты кожаными ремешками. Очень хотелось пить, и он до изнеможения лакал воду. Тут вошла хозяйка, облаченная в деловой костюм.

— Хорошо, что очнулся! Стал очень слаб, поэтому некоторое время можешь быть свободен от работы. А Валерия Ивановна за тобой присмотрит, пока меня не будет...

С этими словами Мадам удалилась. Вскоре в комнату вошла сухонькая женщина средних лет. Она перестелила постель, не глядя на связанного Евгения, смела пыль в комнате и только

тогда подошла к рабу и освободила его от ремней. Их заменило устройство, в котором Евгений опознал колодки — в такие же заковывали провинившихся рабов в прошлом столетии. Руки и ноги его были надежно зафиксированы в отверстиях массивной доски. Это не давало свободно двигаться; с огромным трудом он дополз за уборщицей в соседнюю комнату. Здесь, в гостиной, неподалеку от камина, было его постоянное место: тюфячок, горшок и миска на это указывали. Валерия Ивановна опустила его на колени, уложила голову раба лицом вниз на тюфяк таким образом, что ягодицы оказались вверху. Затем суспензорий был удален, и член Евгения наконец-то получил свободу. Руки женщины протерли измученную плоть каким-то смягчающим составом, и пенис напрягся как бы против воли его обладателя. Но Валерия Ивановна не прекращала работы. На его члене оказалось кольцо, представлявшее собой оригинально устроенную искусственную вагину. После пары вертикальных движений руки он кончил. Однако приборчик так и остался висеть, стягивая пенис, но намекая на грядущее удовлетворение. Больше Валерия Ивановна к рабу не приближалась и вообще на него не реагировала, занимаясь своими непосредственными делами. Вечером Мадам застала Евгения все в той же позе. Она шлепнула раба по заднице, сняла с него колодки и проговорила:

— Ты тут немного поразвлекся. Очень мило... Но не забывай и о работе.

В следующие два дня Евгений чувствовал себя нещадно эксплуатируемой домработницей. Мадам обращалась к нему, только чтобы отдать приказание — вымыть посуду, растопить камин, принести на спине поднос с кофе. Вечером она ела арбуз, выплевывая косточки ему в рот. Затем надела шикарное платье и удалилась, потребовав вымыть полы везде, кроме гостиной и спальни. К ночному приходу Мадам он с трудом управился с этим и без сил упал на свой тюфячок. Естественно, приказ принести утром кофе в постель не был исполнен вовремя. Мадам проснулась с опозданием, подошла к Евгению и разбудила его сильным ударом ноги. Он очнулся не сразу, с трудом осознав, где находится и что его разбудило. Инстинктивно попытался вскочить, но тут же опустился на колени, приготовившись к экзекуции.

Мадам ничего на это не сказала, только глянула искоса на раба и отдала несколько повседневных приказов. Этим утром он не получил еды: Мадам села за завтрак, сервированный, очевидно, Валерией Ивановной или кем-то столь же невидимым. Она выпила наконец кофе, потом принялась за салат, остатки которого аккуратно стряхнула в миску раба. Остатки кофе были выплеснуты в тарелку еще более небрежно, и Евгений, стараясь не шуметь, выпил и вылизал все, что попало в его посуду. Мадам была, видимо, удовлетворена этим унижением. Она улыбнулась, взяла поводок покрепче и потянула Евгения за собой...

В этой комнате он еще не был. Впрочем, и комнатой помещение можно было назвать с натяжкой. Квадратный зал с высоким потолком и два столба посреди него. Мадам подтащила его поближе и дала разглядеть конструкцию. Чуть выше уровня плеч и на полу находились цепочки — явно для того, чтобы удерживать руки и ноги. На потолке в точности посередине между столбами находился крючок, к которому Мадам аккуратно подсоединила поводок. Затем вставший с колен раб должен был широко развести конечности, которые хозяйка закрепила цепями на столбах. Поводок был отрегулирован таким образом, чтобы раб не задыхался, но должен был постоянно тянуться вверх, чувствуя тесноту на горле. Растянутый таким образом, Евгений не мог пошевелиться. Мадам подошла к нему спереди и сжала

пальцами подбородок:

— Думаю, от своей гордости и от альтруизма ты еще не отделался. Ты должен понять, что твоя жертва сама по себе ничто. Моя милость — в принятии ее, это некоторое снисхождение. А насчет твоей жизни... Убивать — одно, засечь до смерти — другое... Ты сделаешь мне удовольствие тем, что будешь терпеть, сколько сможешь. Потом ты будешь умолять и унижаться, говорить, какое же ты ничтожество. Но нужно на самом деле не это. Подумай, может, успеешь понять. Кричать можешь громко, все одно ничего не слышно.

Мадам открыла незаметный шкаф, встроенный в стену, и перед Евгением предстали орудия наказания — плети, хлысты, бамбуковые и деревянные палки, щетки, даже проволочные плети.

— Следов, должно быть, будет много. Ну да ничего, — Мадам взяла в руки длинный черный кнут. — Он достаточно болезнен, чтобы не затягивать экзекуцию. Ты заслужил это и за сегодняшнее утро, но наказан будешь не за это.

Мадам провела кнутом по бедрам Евгения, по суспензорию, по груди. Затем встала у него за спиной. Она разделась, оставшись в черных кожаных трусиках и такой же безрукавке. Обтягивающая одежда скорее открывала ее массивные мышцы и полное тело. Мадам Полина взялась за кнут и размахнулась со вздохом. Первый удар обжег его ягодицы. Он показался не очень сильным, но боль от него не стихала, а скорее усиливалась с каждым мгновением. Новые удары только обострили это ощущение; взмахи Мадам каждый раз были только шире, и кнут бил все сильнее. С ягодиц она перешла на спину, а потом начала охаживать все тело, не прицеливаясь специально. Евгений понимал, что вырваться бессмысленно, уворачиваться — тоже. Таким образом можно было только подставить под удар переднюю часть тела. Но ум и его выводы уже не были важны, не они, а инстинкты управляли его движениями, когда он, выкручивая суставы, пытался уклониться от кнута. В итоге красные полосы расцвелили его грудь, на некоторых сразу же выступили капли крови.

Евгений долгое время сопротивлялся молча, потом не смог больше сдерживаться и закричал. Это были животные, нераздельные крики загнанного зверя, в которых только иногда различались слова «нет!» и «не надо!». Затем, оставив попытки вырваться, он начал оглашать воздух призывами о помощи, ругательствами и даже угрозами в адрес Мадам. На это хозяйка ответила серией еще более жестоких ударов, окончательно сломивших раба.

Он начал умолять о прощении, захлебываясь от бессильных слез, уверял Мадам, что его непослушание больше не повторится; затем клялся быть ее тряпкой для ног, ее унитазным бачком, ее плевательницей навеки. Но и это не останавливало мучений. Евгений чувствовал, как струйки крови стекают по его спине и к ним прибавляются все новые. Он мог истечь кровью прямо здесь и бессилён был это изменить. Мадам вновь и вновь била, иногда меняя угол удара, увеличивая повреждения и не давая рабу потерять сознание. А он только бессильно всхлипывал. Евгений чувствовал, что вот-вот может переступить болевой порог и погрузиться в небытие. Тогда уже ничто не спасет его, и Мадам забьет раба до смерти, может быть, не заметив этого.

Евгений в полузабытьи шептал:

— Ира, я чувствую, что зло не в боли, не в любви, не в подчинении, а в непослупании. Именно оно... Дело не только в самоотдаче, но и в том, как она совершается. Радости госпоже раб не приносит; эти отношения — нечто иное, и регулируются они иначе. Забота о рабе — великое бремя, брать его добровольно никто не станет. Цель жизни не в том, чтобы свалить

всю ответственность а хозяина или хозяйку, а чтобы выбирать самому... Выбирать, не как, а что... Ведь если любовь будет взаимна, если человек познает о себе все...

Вероятно, не все эти слова были произнесены, некоторые были только молниеносными размышлениями раба. Но что-то в этом соответствовало ожиданиям Мадам. Поводок был отстегнут, затем освободились от цепей и его конечности. Евгений потерял сознание раньше этого, но был уверен, что сама Мадам подхватила его на руки и отнесла в свою спальню, где он и очнулся на следующий день, прикрученный поводком к ножке кровати.

И потянулись однообразные дни, когда Евгений в полной мере почувствовал себя вещью. Мадам обращала на него куда меньше внимания, чем на какой-нибудь стул. Она только отдавал